

Каменский А.Б.
**«Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. Спб.: Лениздат,
1992. С. 57–82.**

Шесть месяцев императора Петра Третьего

Царствование Петра III — мимолетный эпизод в истории России и серьезная историографическая проблема. Дело в том, что все, что мы знаем о личности этого императора, трудно увязать с масштабами и значением того, что он успел совершить. Если перевести на язык современных нам понятий 192 именных и сенатских указа, изданных с 25 декабря 1761 по 28 июня 1762 года, то можно резюмировать, что за полгода в России была осуществлена радикальная социально-политическая реформа, по сути заложившая фундамент под едва ли не все мероприятия следующего царствования и обеспечившая их успешное осуществление. Более того, эта реформа, с позиций конца XX века была несомненно «прогрессивной». Это обстоятельство еще более запутывает, ибо становится совсем уж непонятным бесславный конец столь блистательного царствования. Ключ к разгадке кроется, видимо, в сфере не только истории, но также социальной и личностной психологии. Однако рассмотрим сперва сами поступки Петра, а затем уж их мотивы.

Свою деятельность на престоле Петр начал с того же, с чего и до и после него начинали едва ли не все, кто вставал во главе Российского государства, — с амнистии. Правда, если в XX веке амнистии в нашей стране политических заключенных, как правило, не касались, то в XVIII, наоборот, из ссылки и тюрем освобождались прежде всего опальные всех мастей. Уже вскоре при дворе Петра III появились люди, чьи имена составляли историю России XVIII столетия, — Бирон, Миних, Лесток и др. Казалось бы, вокруг императора собирались люди, обязанные ему жизнью и долженствующие создать опору трона, однако в большинстве они уже не были способны к политической деятельности. К тому же и одной реабилитации им было недостаточно. В мемуарах К.-К. Рюльера, хотя и изобилующих многими неточностями, но свидетельствующих о большой осведомленности автора, содержится такое характерное описание: «Потеряв все во время несчастья, сии страдальцы требовали возвращения своих имуществ; им показывали огромные магазины, где, по обыкновению сей земли, хранились отобранные у них вещи, — печальные остатки разрушенного благосостояния, — где по порядку времени представлялись обломки сих знаменитых кораблекрушений. В пыли искали они драгоценных своих приборов, бриллиантовых знаков отличия, даров, какими сами цари платили некогда им за верность, и часто после бесполезных исканий они узнавали их у любимцев последнего царствования»¹.

Петр плохо разбирался в людях, не понимал и не старался понять их психологии, но зато пытался управлять ими как марионетками. Вот перед ним два старика — 79-летний Бурхард Кристоф Миних и 72-летний Эрнст Иоганн Бирон. Оба провели в ссылке по двадцать лет. Первый сослал второго, а вскоре последовал за ним сам. Петр, вероятно, уверен, что сделает благое дело, примирив их; сама сцена забавляет его. Внешне все происходит, как он задумал. «При первом их свидании при дворе, — записывает Штелин, — они целуются, пожимают друг другу руки и должны обещать императору, что забудут и никогда не будут упоминать о том, что было прежде между ними»².

Но совершенно иначе рисует эту же сцену Рюльер: «С того времени как Миних связал Бирона, оспаривая у него верховную власть, в первый раз увиделись они в веселой и шумной толпе, окружавшей Петра III, и государь, созвав их, убеждал выпить вместе. Он приказал принести три стакана, и, между тем как он держал свой, ему сказали нечто на ухо; он выслушал, выпил и тотчас побежал куда следовало. Долговременные

враги остались один против другого со стаканами в руках, не говоря ни слова, устремив глаза в ту сторону, куда скрылся император, и думая, что он о них забыл, пристально смотрели друг на друга, измеряли себя глазами и, отдав обратно полные стаканы, обратились друг к другу спиною»³. Если это описание и не совсем точно, оно безусловно правдоподобно.

Среди узников и опальных, амнистированных Петром III, не было, однако, тех, кого называли Брауншвейгской фамилией. Вскоре после воцарения император с женой побывали в Шлиссельбургской крепости, где посетили содержавшегося там Ивана Антоновича (его отец и сестры находились в Холмогорах). Надо полагать, Петром двигало прежде всего любопытство, у более реалистичной Екатерины к любопытству примешивался страх. Характерно, что поездка в Шлиссельбург была совместной, ведь речь шла о сугубо семейном, династическом деле. По мнению А. Г. Брикнера, Петр собирался облегчить участь несчастного узника. Екатерина десять лет спустя записала коротко и безапелляционно: «Принц Иван был сумасшедшим, я его видела в 1762 г.; кроме того, он был заика»⁴. Судя по всему, несчастный юноша произвел на супругов отталкивающее впечатление и жалости не пробудил. Его положение не изменилось, жить ему оставалось еще два года...

Планы Петра, однако, не ограничились лишь возвращением ссыльных. Он вообще в корне изменил систему политического сыска в стране. Специальным указом 21 февраля 1762 года была ликвидирована Тайная канцелярия — учреждение, десятилетиями внушавшее русским людям ужас. «Отныне, — гласил указ, — Тайной розыскных дел Канцелярии быть не имеет, и она совсем уничтожается, а дела, естли б иногда такая случились, кои до сей канцелярии принадлежали б, смотря по важности, рассматриваны и решены будут в Сенате». Помимо этого было запрещено произносить «государево слово и дело» — магическую фразу, способную в секунду изменить судьбу человека: «Ненавистное изражение, а именно: слово и дело, не долженствует отныне значить ничего, и Мы запрещаем: не употреблять онаго никому, а естли кто отныне оно употребит в пьянстве или в драке, или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от полиции наказываются озорники и безчинники»⁵. Значение этой реформы трудно переоценить, причем значение это было не только политическим, но и нравственным, ведь фактически наносился удар по узаконенному и поощряемому доносителству.

Если при Петре I «мы застаем развитой институт доноса, подлинную культуру доносителства»⁶, то в последующие Десятилетия эта «культура» прочно укоренилась в сознании людей, донос стал обычным, привычным делом, а уж «слово и дело» и вовсе потеряло свой первоначальный смысл. Стоило любому уголовному преступнику, пьяному дебоширу или беглому крестьянину, желающему лишь оттянуть неминуемое наказание, крикнуть «слово и дело», и его судьи застывали в ужасе. И вот уже потянулся санный путь из какого-нибудь далекого сибирского городка в Москву или Петербург, в Тайную канцелярию, где опытные следователи выяснят, что никакого «слова и дела» этот человек ни за кем не знает, или, наоборот, вынудят его оклеветать невинного.

Но главное было, конечно, не в том, что подобная система поглощала немало государственных средств, — узаконенный донос развращал общество, делал бессмысленной и без того шаткую правовую основу государства; в этих условиях невозможны и неуместны были понятия чести, порядочности, человеческого достоинства. При этом, созданная в петровское время, пронизывающая все сферы жизни, система тотального доносителства основывалась на представлении о человеке как винтике большой государственной машины, в которой у каждого свое, строго определенное место и строго регламентированная функция. И если один винтик, один член общества выходил из строя на шаг в сторону, то долг остальных был поправить его.

В функции Тайной канцелярии входило расследование политических преступлений, направленных против государя и государственной безопасности, толкование которых было дано еще в Соборном Уложении 1649 года (глава II, ст. 1 и 2); по этим статьям политические преступления стали называть преступлениями «по первым двум пунктам». При этом монопольное право Тайной канцелярии на расследование подобных дел, с включением в его юрисдикцию всех сословных групп населения, ставило это учреждение в особое положение в системе государственного аппарата, вне рамок закона, а самому государству придавало откровенно полицейский характер.

Указом 21 февраля донос как таковой не отменялся, а политический сыск не упразднялся вовсе, однако его функции были перераспределены. Право предварительного следствия было дано местным органам, которые, лишь установив факт преступного деяния, передавали обвиняемого в Тайную экспедицию Сената, которая продолжала расследование и решала судьбу арестованного. Ни о каком разделении судебных и следственных органов речи еще, конечно, не было, но тем самым ликвидировался почти сакральный характер самих преступлений против государя, которые, как свидетельствуют и процитированный выше указ, и наблюдения специалистов, в значительном числе случаев совершались попросту в пьяном виде. Однако понятно, что изменить одним махом и общественное сознание, элементом которого была практика доносительства, было невозможно, для этого нужны были время и более глубинные реформы, тем более что этому общественному сознанию, этому представлению об обществе как большой государственной машине соответствовала и определенная социальная структура.

Вплоть до 1762 года социальная структура Российской империи была такова, что все слои общества, все его сословия и сословные группы, все население огромной страны было лично зависимым и обязано той или иной службой либо другому сословию, либо непосредственно государству. Со школьной скамьи мы знаем, что основными классами при феодализме являются феодалы-землевладельцы (дворянство) и зависимое от них крестьянство. При этом схема российской истории, десятилетиями излагавшаяся и в школьных и в вузовских учебниках, сводится практически к тому, что на протяжении веков крестьянству жилось все хуже, а дворянству за счет этого все лучше. Дворянство было «правлящим» и «господствующим» классом, угнетавшим крепостное крестьянство, которое, собственно, и создавало богатство государства. В реальности все было много сложнее.

Прежде всего, расхожие представления о социальной структуре феодализма, которые навязывают в школе, восходят к, так сказать, классическим западноевропейским образцам. Однако и в феодальной Европе многое было совсем иначе: вольные города с вольными же их гражданами, развитая торговля, и тут же — крупные феодалы, сохранявшие известную независимость от королевской власти даже в эпоху позднего средневековья, когда эта власть в своем развитии достигла абсолютизма, стертые формы крепостничества, характерные главным образом для раннего средневековья, и, наконец, достаточно четкая социальная структура с юридически закрепленным статусом отдельных сословий. В России же, где крепостное право окончательно утвердилось в тот же год, когда в Англии произошла буржуазная революция, многое было по-другому.

Практически вплоть до конца XVII — первой четверти XVIII века дворянства как единого сословия не существовало, а «правлящий» класс состоял из ряда сословных групп, сильно различавшихся между собой и по имущественному и по правовому положению. Эти группы служилых людей, получавшие за свою службу государю денежный и поместный оклад, находились от него в постоянной зависимости и не случайно в своих челобитных сами себя именовали не иначе, как холопами. Каждый служилый

человек, от родовитого боярина, владельца тысяч крепостных душ, до неизвестного городского сына боярского, вынужденного подчас самостоятельно распахивать свой клочок земли где-нибудь на южной окраине России, был взят на учет, занесен в специальный список и был обязан служить, причем служить там и так, где и как это будет угодно и полезно государству. Фактически, таким образом, вся эта масса людей, составлявших «правлящий» класс, сама находилась в зависимости едва ли не такой же, как зависимая от них масса крестьян.

В отличие от Европы, где взаимоотношения дворянина и государства строились на Договорных началах, в России господствовал принцип «вручения себя». Это была модель социально-политического устройства, восходящая еще к Византии, где «самые могущественные, знатные и богатые люди, достигшие высших должностей в государстве, оставались совершенно бесправными и не защищенными законом по отношению к императору, который мог произвольно лишить их имущества, Чина и самой жизни, так же как мог возвысить любого человека и выскочку из простонародья превратить в первого сановника империи». Так же, как несколько веков назад в Византии, в России власть царя «неограниченно карать и экспроприировать подданных никем... не оспаривалась — она воспринималась как естественный порядок вещей»⁷. Подобная система взаимоотношений не способствовала развитию корпоративного, то есть классового, сознания, делала ненужными формы сословного представительства в виде земных соборов и была благодатной почвой для деспотизма. Все это не означает, конечно, что царская власть была совершенно независима от кого бы то ни было, однако зависимость эта была вне рамок закона, который стоял бы и над государем, и над его подданными.

У читателя может возникнуть резонный вопрос: а собственно почему в России существовала именно эта, отличная от европейской, система сословных взаимоотношений? Некоторые полагают, что виной тому татаро-монгольские завоеватели, принесшие на Русь военно-феодальные порядки, другие — что дело в обширных пространствах Российского государства, управлять которыми могла лишь сильная центральная власть. Наконец, третьи утверждают, что продолжавшиеся вплоть до XVIII века набеги кочевников заставляли содержать армию, состоявшую преимущественно из дворянской конницы, и потому служба дворян носила обязательный характер. А для того чтобы служилый человек мог по первому зову встать в строй, необходимо было закрепить за ним землю с крестьянами, которые обеспечивали бы его существование. Так или иначе, но в XVIII веке по этой системе сословных отношений был нанесен сильный удар.

Реформы сначала царя Алексея Михайловича по реорганизации армии, затем его сына Федора, отменившего местничество, и, наконец, Петра Великого способствовали слиянию различных групп служилых людей в единое сословие. Особое значение имело создание регулярной армии, основу которой составили пехотные полки, указ 1714 года о единонаследии, ликвидировавший разницу между поместьем и вотчиной, проведение податной реформы, отделившей дворянство от прочих сословий освобождением от уплаты подушной подати, и, наконец, Табель о рангах 1722 года, закрепившая новый, буржуазный по сути, принцип выслуги. Однако обязанность дворян служить никуда не исчезла. По-прежнему родившийся в дворянской семье мальчик брался на учет и в четырнадцать лет должен был явиться в Герольдмейстерскую контору на первый осмотр. Вся жизнь дворянина была жизнью человека, постоянно служащего, не вольного распоряжаться собой по своему усмотрению. Лишь в царствование Анны Ивановны был установлен обязательный срок службы в 25 лет, по истечении которого было разрешено выходить в отставку. Совершенно очевидно, что в подобных условиях в социальной психологии даже этого, «господствующего», класса был силен элемент служилый,

рабский. При личной зависимости и понятия дворянской чести, достоинства не могли получить достаточного развития. Своеобразным проявлением этой психологии явились события 1730 года, когда при вступлении на престол Анны Ивановны дворянство не захотело допустить ограничения самодержавия, предлагавшегося верховниками, за что горько поплатилось в последующие десять лет бироновщины.

Вместе с тем возникновение дворянства как единого класса, складывание правовой основы его привилегированного положения на фоне распространения европеизированной культуры способствовали выработке классового самосознания дворянства, естественно, стремившегося к обретению личной свободы. Она и была обретена 18 февраля 1762 года, когда был подписан Манифест «о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

С историей появления этого Манифеста связана легенда, которая, с легкой руки князя М. М. Щербатова, получила широкое распространение. «Петр Третий, — писал Щербатов в своем знаменитом эссе «О повреждении нравов в России», — дабы скрыть от графини Елисаветы Романовны (Воронцовой — фаворитки Петра III.— А. К.), что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в разсуждении благоустройства Государства. Ночь пришла, Государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерений Государского, не знал, о чем начать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкия вытвержения Государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства; седши, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был Государем апробован и обнарудован»⁸.

Эта напоминающая анекдот версия появления на свет одного из важнейших законодательных актов XVIII века, конечно же, вполне соответствует образу человека с добрым сердцем, но не имеющего «ни разума, ни нравов», каким рисует Щербатов Петра III. По мнению же Н. Н. Фирсова, «трудно более опошлить отношение к закону о вольности дворянской, чем как это сделал выдающийся дворянский публицист екатерининской эпохи»⁹. Историк отмечает, что сам секретарь Петра Д. В. Волков не называл Манифест среди написанных им законопроектов, а император еще за месяц до его подписания заявил о своем намерении освободить дворян от обязательной службы. Хорошо осведомленный в придворных делах Штелин автором Манифеста называет генерал-прокурора А. И. Глебова. Можно не сомневаться, что опытный царедворец Волков никогда не решился бы «подсунуть» на подпись императору столь важный документ, если бы его содержание не было так или иначе заранее оговорено. С другой стороны, Щербатов утверждает, что рассказ обо всей этой истории слышал от самого Волкова, причем, поскольку сам Щербатов был не только публицист, но и историк, он не мог не понимать значения своего свидетельства. К тому же подобная версия самому Щербатову, как ярому защитнику дворянских прав и привилегий, вряд ли могла импонировать, и уж если он включил ее в свое сочинение, то, видимо, был уверен в ее достоверности.

Истина, как это обычно бывает, скорее всего где-то посередине. Вероятнее всего, подписание Петром Манифеста о вольности дворянства было актом вполне сознательным, и не исключено, что задание отредактировать его было дано именно Волкову, после того как основной текст был подготовлен А. И. Глебовым, возможно, при участии Р. И. Воронцова. Такое задание Волков мог получить и при обстоятельствах, о которых рассказывает Щербатов, но сам Волков в беседе с историком постарался преувеличить свою роль, попросту говоря, прихвастнуть, хорошо понимая, кому сообщает столь

ценную информацию. Так или иначе, Манифест был подписан и встречен с восторгом. Екатерина в своих «Записках» отмечает, что на следующий день застала одного из придворных в слезах и не могла понять их причины.

Манифестом 1762 года провозглашалось, что каждый дворянин волен сам определять, где и сколько ему служить и служить ли вообще. Отныне взаимоотношения дворянства с государством основывались на договоре, который мог быть расторгнут по желанию сторон. Дворянство не обрело еще тех прав и привилегий, о которых мечтало, но на пути к ним был сделан существенный шаг. До сих пор дворяне практически не имели возможности непосредственно заниматься управлением своими имениями. Для тех из них, кому небольшое поместье служило единственным источником существования, ибо на государственное жалованье прожить было невозможно, такое положение было губительным, поскольку оставленные без постоянного присмотра хозяйства нередко приходили в упадок и разорялись. Теперь, впервые в русской истории, помещики получили возможность заняться хозяйством. В течение 1762—1763 годов исследователи отмечают довольно значительный отток дворян со службы. Дворяне становились сельскими жителями, теми помещиками, которых мы так хорошо знаем по русской классической литературе XIX века.

Появление Манифеста самым благотворным образом должно было сказаться и на развитии культуры, того, что в наше время стали называть духовностью. Отныне дворяне, располагавшие средствами к существованию, могли посвящать свое время чтению книг и упражнениям в изящных искусствах.

В Манифесте содержалось и еще одно чрезвычайно важное положение: дворянам было разрешено свободно выезжать за границу и даже поступать на службу к иностранным государям. Значение этого нововведения также невозможно переоценить.

В допетровской России за граница воспринималась как исключительно враждебный, греховный мир, наполненный «басурманами», «магометанской заразой» и «латинской прелестью» (т. е. соблазном). Со времени Петра I Россия начинает активно аккумулировать западноевропейскую культуру, проникающую во все сферы жизни и в сознание образованной части населения. Но проникновение это было односторонним, поскольку русские люди могли попасть за границу лишь в составе посольства, на учебу или по торговым делам. И только лица, принадлежавшие к высшему слою аристократии, по получении специального разрешения государя могли поехать за границу сами или отправить детей, как это было, например, с Александром Воронцовым, племянником канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, женатого на родственнице Елизаветы Петровны — графине Скавронской. Что же касается службы за границей, то еще с времен Ивана Грозного таковая воспринималась как государственная измена.

Нам, совсем недавно пережившим ликвидацию «железного занавеса», отделявшего нашу страну от остального мира, легко представить, что означало введение разрешения на свободный выезд из страны в 1762 году. Отныне русский путешественник в Европе стал таким же привычным, как англичанин или француз. При этом тогда же возникла проблема, которую сегодня называют утечкой умов. Но тогда же, в XVIII веке, способ ее решения был предложен Екатериной Второй. «Не будет более опасности, — писала она, — отпускать в путешествия наших молодых людей, бегства которых часто боятся, когда сделают им их отечество любезным... Государство, конечно, не многого лишилось бы во всякое время от потери двух-трех ветреных голов, но если бы отечество было таким, каким я хотела бы его видеть, мы имели бы больше рекрутов, чем дезертиров»¹⁰.

Таковы два важнейших законодательных акта Петра III, имевших глубокие последствия в политической и социальной жизни страны, однако ими его политика внутренних реформ не исчерпывается. Судя по всему, своего рода символом всего того, что он так не любил в России, стала для Петра III православная церковь. Свое пренеб-

режительное к ней отношение, он проявлял будучи еще великим князем: тайно от набожной Елизаветы нарушал пост, во время службы, смеясь, расхаживал по церкви и мог демонстративно выйти вон в середине проповеди. Став императором, Петр получил власть и над церковью, которую его дед лишил самостоятельности.

На первый взгляд может показаться, что церковная политика Петра была направлена на утверждение в стране веротерпимости. Так, уже 7 февраля 1762 года последовал сенатский указ «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений», позднее были выделены средства на строительство лютеранской кирхи, а за три дня до переворота, 25 июня 1762 года, появился императорский указ, уравнивавший в правах все религии. Но был ли Петр действительно столь «просвещенным» и веротерпимым человеком и проистекали ли эти его действия из искренних убеждений? По-видимому, нет. Не испытывая пиетета к православию, Петр несомненно не испытывал его и по отношению к какой-либо иной конфессии, хотя лютеранство, в котором он был воспитан в детстве, было ему, видимо, ближе, привычнее. По сути, он был не столько веротерпим, сколько равнодушен к религии, а православные обряды раздражали его, казались нелепыми и излишними. Он желал, чтобы русские священники брили бороды, вместо ряс наподобие евангелических пасторов носили сюртуки, а из церквей были бы убраны все иконы, за исключением изображающих Спасителя. К тому же Петр III возжаждал лишить церковь и ее финансового могущества. «Кавалерийским наскоком» он попытался решить проблему, над которой бились его предшественники, начиная с Ивана Грозного, — осуществить секуляризацию церковных земель.

Реформа эта давно назрела и была естественным продолжением политики Петра I по ликвидации положения церкви как государства в государстве, по низведению ее до роли одного из колес государственной машины. Однако, пока церковь, будучи крупнейшим землевладельцем, обладала финансовой независимостью, позиции ее были еще сильны и она если и не создавала противовес царской власти, то потенциально могла его создать.

Формальным поводом к осуществлению секуляризации земель церкви послужили волнения монастырских крестьян, особенно усилившиеся к середине XVIII века. Справиться с этими волнениями самостоятельно церковь не могла и должна была прибегать к помощи государства. На усмирение крестьян, улаживание разного рода конфликтов между ними и монастырскими властями тратились немалые деньги. И это при том, что финансовое положение абсолютистского государства было нелегким. Само его развитие требовало все больших затрат на содержание постоянно усложняющегося и численно увеличивающегося государственного аппарата, армии и двора. В годы Семилетней войны положение усугубилось, особенно в связи с необходимостью воевать на чужой территории. Возможность распоряжаться доходами от церковных имений сулила немалые финансовые выгоды. Не откладывая дела в долгий ящик, Петр III 19 февраля 1762 года создал специальное учреждение для управления церковными имениями — Коллегию экономии, а в сами имения были назначены офицеры-управители. Вместо оброка в пользу церкви бывшие монастырские крестьяне были обложены однообразным казенным оброком и получили в свое владение земельную запашку, которую прежде распахивали в пользу архиереев и монастырей. Уже сказанного, видимо, довольно, чтобы убедиться в радикальности, а следовательно, и в большом социально-политическом значении реформы. К реальным ее последствиям мы еще вернемся, здесь же упомяну лишь, что реформа затронула около двух миллионов крестьянских судеб, причем, даже по признанию советских историков; как правило не склонных усматривать в действиях царской власти что-либо положительное, «секуляризация улучшила положение монастырских крестьян, так как избавила их от

барщины, увеличила их земельные наделы, облегчила их торгово-ремесленную деятельность и запись в купечество и цехи»¹¹.

Превращение монастырских крестьян в одну из категорий государственных означало и еще один шаг к достижению большей стройности и простоты в сословной структуре государства. Однако, если в Европе поздний феодализм характеризуется усиливающимся значением третьего сословия — буржуазии и ее конфронтацией с другими классами, то в России такое сословие практически отсутствовало, ибо городское население, купечество, будучи обложено подушной податью, привязано к своим посадам и, не имея специального законодательства о своих правах; по сути дела отличалось от крепостного крестьянства лишь родом занятий. В этом смысле податная реформа Петра I имела отрицательное значение, поскольку ликвидировала финансово-налоговые льготы, которыми обладала хотя бы часть городского населения — так называемые беломестцы, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и бывшие прообразом третьего сословия. Однако тоталитарное государство не могло допустить существования такой относительно свободной сословной группы, не входящей в дворянство, и беломестцы были приравнены к другим населявшим города сословным группам, а все вместе названы купечеством. Причем «законодатель фактически не воспринимал разницы между промышленниками-капиталистами и купечеством»¹². Такая нивелировка городского населения в сторону усиления несвободы, превращавшая его в еще одну шестерню государственной машины, естественно, не способствовала развитию торговли и промышленности и тормозила процессы вызревания капиталистических элементов.

Очевидно, что Петр III с понятиями «буржуазия» и «капитализм» знаком не был, однако значение третьего сословия было достаточно ясно в то время всякому европейски образованному человеку, Штелин в своем дневнике записал: «Разсматривает все сословия в государстве и имеет намерение поручить составить проект; как поднять мещанское сословие в городах России, чтобы оно было поставлено на немецкую ногу, и как поощрить их промышленность»¹³. Намерение похвальное, однако никаких реальных шагов к этому предпринято не было.

Еще одним объектом постоянных забот Петра III была армия. При любви императора ко всему военному это неудивительно, но в этой заботе были и реальная нужда, ибо Семилетняя война, хотя и складывалась для России достаточно удачно, показала, что и в армии также необходимы серьезные преобразования. Если, быть может, важнейшим итогом деятельности Петра Великого было создание ценой напряжения всех ресурсов государства современной, хорошо организованной и оснащенной армии, то его внук получил ту же армию в практически неизменном виде, между тем как прошло несколько десятилетий, и армия эта перестала быть и современной, и хорошо оснащенной. Что же касается детища Петра I — русского военного флота, то он и вовсе пришел в упадок. Собираясь преобразовать армию, Петр III взял за образец прусскую, привлекавшую его; прежде всего своей организованностью, жесткой дисциплиной, боевым духом. 6 марта 1762 года была учреждена специальная комиссия «для приведение в лучшее состояние войск», был предпринят ряд мер по восстановлению флота. Однако серьезных изменений Петр осуществить не успел, если не считать указа от 9 марта «О ненаказании солдат и матросов за преступления батожьем и кошками», а также ликвидации лейб-компаний. Так называлась рота Преображенского полка, возведшая на престол Елизавету Петровну, указом которой всем солдатам этой роты было пожаловано дворянство. Гвардия вообще была для Петра бельмом на глазу. По свидетельству того же Штелина, «еще будучи великим князем, называл он янычарами гвардейских солдат, живущих на одном месте в казармах с женами и детьми, и говорил: они только блокируют резиденцию, не способны ни к какому труду, ни к

военным экзерцициям и всегда опасны для правительства»¹⁴. Как и по другим вопросам внутренней политики, Петр нашупал здесь одно из самых больных мест социально-политического устройства России.

Современная, боеспособная армия была необходима Петру и для реализации его замыслов в области внешней политики. Здесь у него была ясная и определенная цель, а его действия можно характеризовать как целостную политическую систему. Правда, к государственным интересам России эта цель никакого отношения не имела и была задачей внешней политики не всероссийского императора, а голштинского герцога. Заключалась же она прежде всего в возвращении герцогства Шлезвиг, уже несколько десятилетий находившегося под властью Дании.

Обязательство России содействовать возвращению Шлезвига содержалось еще в брачном контракте родителей Петра — Карла Фридриха и Анны Петровны, однако внезапная смерть Петра I помешала осуществлению этих намерений. О необходимости реванша Петр слышал с раннего детства, и с раннего же детства в нем разжигалась ненависть к Дании, границу которой, как отмечал историк П. К. Щебальский, можно было видеть из окон Кильского замка¹⁵. С провозглашением Петра наследником российского престола датское правительство почувствовало угрозу и стало предпринимать шаги по предотвращению возможного конфликта. Правительство Елизаветы Петровны также не было заинтересовано в росте напряженности и содействовало поискам компромисса. Петру неоднократно предлагались различные варианты, связанные с обменом земель, однако соглашение так и не было подписано.

Вступив на престол, Петр сразу же решил отомстить за унижение своих предков. Но прежде чем начать войну с Данией, необходимо было развязаться с той войной, которая еще шла. На этот счет у Петра не было никаких сомнений. При его любви к Пруссии и при его восторженном отношении к Фридриху II, он не медлил ни дня. Уже 25 декабря 1761 года, на следующий день после смерти Елизаветы, к Фридриху была послана известительная грамота, а 29 декабря были отпущены все прусские пленные. 12 февраля появилась декларация о мирных намерениях России, произведшая панику среди ее союзников, а 24 апреля с Пруссией был подписан трактат о мире.

Следует сказать, что в принципе выход России из Семилетней войны был оправдан. По сути дела, в этой войне она и не была заинтересована с самого начала, хотя некоторые вельможи из окружения Елизаветы Петровны и строили планы относительно чуть ли не присоединения Пруссии к Российской империи. Война, унесшая немало человеческих жизней, сильно истощила ресурсы государства, пагубно сказалась на состоянии армии. Однако нельзя не отметить, что победы русских солдат способствовали росту международного авторитета России, причем к концу 1761 года Россия оказалась в положении победительницы и фактически могла диктовать Пруссии свои условия. Путем контрибуций можно было бы хотя бы частично возместить понесенные убытки и значительно улучшить финансовое положение страны. Однако Петр от всего этого отказался, возвратил Пруссии все занятые русскими войсками земли и заключил с бывшим противником союз. Тем самым он фактически спас Пруссию от окончательного разгрома, на пороге которого она находилась. Более того, 18 февраля 1762 года иностранным послам в Петербурге была вручена декларация, призывавшая к установлению в Европе всеобщего мира и отказу от всех завоеваний Семилетней войны.

Понятно, что союзники России по антипрусской коалиции отнеслись к этой внешнеполитической инициативе Петра III весьма прохладно. Ситуация поразительно напоминает события более близкого нам 1918 года, когда захватившие власть большевики тоже призвали ко всеобщему миру без аннексий и контрибуций. Сам по себе такой призыв применительно и к 1918 и к 1762 году привлекателен, красив и благороден. Но всякое очарование исчезает, если принять во внимание, что и в том и в другом случае

«миротворцы» начали сепаратные переговоры с противником, не дожидаясь отклика своих союзников, а впрочем, на него и не рассчитывая. Это было грубейшим попранием международных обязательств России, нарушало важнейший принцип преемственности во внешней политике и подрывало авторитет страны. К тому же в обоих случаях призыв к миру был не более чем лицемерной фразой, за которой скрывались истинные и совсем не благовидные цели. В 1918 году сепаратные переговоры с Германией привели к позорному и циничному Брестскому миру, которым народы России заплатили за то, чтобы большевики сохранили власть. «Миротворец» Петр III собирался развязать в Европе новую войну, не менее кровавую и бессмысленную.

В дополнение к мирному трактату 24 апреля было подписано три секретных «артикула», возобновленных затем в союзническом договоре 8 июня. Один из них касался помощи Пруссии в войне с Данией. Еще раньше марта, был издан рескрипт об отношениях с Данией, в котором открыто выдвигалось требование возвращения Шлезвига. Через некоторое время после этого начались русско-датские переговоры, к успеху которых Петр явно не стремился. 28 июня 1762 года, в день переворота, русский посланник барон Корф передал датскому двору послание Петра III, фактически означавшее начало войны.

Еще одним предметом династических забот Петра была Курляндия. На протяжении длительного времени правительство Елизаветы Петровны, державшее в ссылке курляндского герцога Бирона, проводило в этой дворянской республике, находившейся под властью Польши, тонкую и замысловатую политику, много сил и денег тратя на то, чтобы на герцогском престоле здесь был русский ставленник. В последние годы царствования Елизаветы им был принц Карл Саксонский. Однако Петр III питал к Карлу сильную личную неприязнь, а потому и в этом направлении русская внешняя политика претерпела поворот на сто восемьдесят градусов. Петр решил отдать Курляндию своему дяде принцу Георгу Лудвигу Гольштейн-Готторпскому, до этого назначенному генерал-губернатором Голштинии. Для осуществления этого проекта необходимо было заручиться, во-первых, отречением Бирона и, во-вторых, поддержкой Пруссии. После долгих уговоров в первых числах июня Бирон подписал отречение, - которое месяц спустя было аннулировано Екатериной. Что же касается Пруссии, то кандидатура принца Георга ее вполне устраивала, ибо король Фридрих, гораздо более опытный и дальновидный политик, чем Петр, не мог не понимать, что воцарение в Курляндии голштинских принцев в конечном счете приведет к присоединению ее к Пруссии. Поддержка Пруссии была закреплена во втором секретном «артикуле» к договору 8 июня. Однако помимо этого для успеха предприятия требовалось согласие и Польши. Польскому вопросу был посвящен третий секретный «артикул».

Королем Польши был в это время Август III, занявший трон еще в 1734 году при активной поддержке России, в обмен на что Август отдал тогда же Курляндское герцогство любимцу Анны Ивановны Бирону. Другим гарантом Августа была Австрия, которой он обещал признание Прагматической санкции, то есть прав Марии-Терезии на императорский престол. Таким образом, во время Семилетней войны Польша выступала в союзе с Австрией и Россией. При этом в самой Польше политика Августа популярностью не пользовалась, а поскольку она опиралась на поддержку России, то и ее влияние в Польше значительно упало. К тому же связанное войной и союзническими отношениями русское правительство почти ничего не предпринимало для защиты польских православных, что традиционно было одним из основных вопросов в отношениях с Польшей. К этому надо добавить, что в правление Августа III произошло значительное усиление магнатских междоусобиц и, как следствие, падение международного престижа самой Польши.

В секретном «артикуле», подписанном Россией и Пруссией, содержалась договоренность о совместных действиях в Польше на случай смерти короля Августа» который был уже человеком весьма преклонного возраста. Вместе они собирались посадить на польский престол своего ставленника, о котором, как гласило соглашение, «при настоянии того случая обои величества между собою в дружеской откровенности согласиться изволят»¹⁶. Вряд ли можно предположить, что, подписывая договор, Петр хоть сколько-нибудь задумывался над судьбой польских православных, зато очевидно, что благодаря ему Пруссия получала возможность влиять на польских протестантов. Этим соглашением были заложены основы и дальнейших совместных действий России и Пруссии в Польше, решивших судьбу этой страны в XVIII столетии.

Таковы основные факты, касающиеся внутренней и внешней политики Петра III, явно свидетельствующие, что в обеих сферах шесть месяцев правления нового императора были насыщены радикальными реформами с самыми серьезными последствиями для будущего страны. И не случайно в последнее время и у нас, и за рубежом появился ряд работ, авторы которых пытаются как бы реабилитировать Петра III в глазах потомков и утверждают ложность тех представлений, которые издавна существуют о нем в исторической литературе.

Действительно, образ Петра III сложился главным образом на основании мемуарных свидетельств его откровенных противников, и прежде всего Екатерины. Со страниц ее «Записок» Петр предстает столь отвратительным; что невольно начинаешь сомневаться в их достоверности. И все же многие из сообщаемых Екатериной сведений подтверждаются другими авторами, в том числе Я. Штелином, напрасно пытавшимся найти в своем воспитаннике какие-нибудь положительные черты. Но, может быть, есть какие-то иные документальные свидетельства? Их поиском и занялись американская исследовательница Кэрол Леонард и наш соотечественник А. С. Мыльников.

Леонард изучила дипломатическую переписку, хранящуюся в архивах Дании, Франции и Великобритании, а также все существующие мемуары, включая и те, что не привлекались прежде. Мыльников, в свою очередь, обследовал документы из архива герцогов Ольденбургских, хранящегося в г. Шлезвиге, а также документы, относящиеся к деятельности Петра в качестве главнокомандующего Сухопутным шляхетным корпусом в 1759—1761 годах. Что же нового удалось обнаружить?

В депешах иностранных послов из Петербурга действительно нашлись несколько ранее неизвестных хвалебных отзывов о Петре III в связи с его внутривластной деятельностью. Правда, почти вся переписка иностранных послов перлюстрировалась, и они об этом хорошо знали, а потому, конечно, ругать царя не стали бы. Но даже при этом всякие похвалы в адрес императора исчезают после марта 1762 года, когда с внутренней политики он переключился на внешнюю. Что же касается мемуаров, то К. Леонард отмечает лишь, что некоторые их авторы возражали против обвинений Петра в некомпетентности и жестокости. Однако помимо этого никаких конкретных новых фактов обнаружить исследовательнице не удалось¹⁷.

Более успешными были, пожалуй, архивные разыскания А. С. Мыльникова. Он документально подтвердил, что, еще будучи великим князем, Петр проявлял постоянный интерес в отношении своего наследного герцогства, хотя это и был интерес «хаотичный, порывистый и даже мелочный, но не лишенный определенной тенденции, которая в основном сводилась к попыткам упорядочить судопроизводство, военное дело и другие стороны управления, навести дисциплину в деятельности правительственного Тайного совета», «однако достичь своих целей ему не удавалось». Донесения же Петра в Сенат по делам Шляхетного корпуса «воссоздают впечатляющую картину заботы главнокомандующего о надлежащем материальном обеспечении не только занятий, но и быта учащихся». И всё же ученый признает, что политические взгляды Петра «не

составляли, конечно, целостной и продуманной системы», что император был непоследователен и нетерпелив, а «несколько месяцев пребывания у власти с наибольшей полнотой выявили противоречивость характера Петра III»¹⁸. Многочисленные оговорки, которые приходится делать защитникам Петра III, свидетельствуют, что реальных фактов для реабилитации Петра все же недостаточно. Но разве противоречие столь уж непреодолимо? Попробуем разобраться.

Итак, в самом конце 1761 года на российский престол поднялся 35-летний человек — нервный, впечатлительный, невоздержанный в своих порывах и увлечениях. Он не знал и не любил страну, которой ему предстояло править, и ему в голову не приходило, что по отношению к этой стране у него есть какие-то обязанности, а ее народ — не просто толпа подданных. Вырвавшись из клетки, где его держали практически всю сознательную жизнь, он впервые ощутил себя императором, самодержцем с безграничной властью и упивался свободой, возможностью жить и царствовать по своему хотению. Всем, что он любил, — вином, вахтпарадами, собаками, женщинами, своей скрипкой — он мог теперь наслаждаться без всякого удержу. Его легко представить богатым прусским бароном или польским магнатом, получающим удовольствие от жизни в родовом замке и проводящим время в псовой охоте и обильных возлияниях с наложницами из окрестных деревень под звуки собственного оркестрика, составленного из дворовой челяди. Но, увы, он был не барон и не польский магнат, а император огромной страны с многонациональным населением и непростой исторической судьбой. Покуда он оставался лишь наследным принцем, его чудачества можно было принять за эпатаж, за форму протеста, теперь он стал императором, но поведение его не переменилось.

В воспоминаниях современников мы находим достаточно однотипные описания его времяпрепровождения. «Поутру быть первым капралом на вахтпараде, — пишет Е. Р. Дашкова, — затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III»¹⁹. Поведение государя, как это всегда бывает, диктовало и стиль поведения всему двору. «Не успеют бывало сесть за стол, — свидетельствует А. Т. Болотов, — как и загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить несладкицы и несообразности сущия. (...) Однако все сие было еще ничто против тех разнообразных сцен, какия бывали после того и когда дохаживало до того, что продукты бакхусовы оглуляли всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было вытти и сесть в линию, а гренадеры выносили уже туда на руках своих»²⁰.

Один из биографов Петра, дореволюционный историк Н. Н. Фирсов, пытался даже именно пьянством объяснить все несуразности его поведения. «Многие поступки Петра III, — пишет он, — объясняемые некоторыми историками как поступки чуть ли не идиота, на самом деле были поступками пьяного человека»²¹. Версия соблазнительная, но ведь с тем же успехом можно было бы отнести за счет пьянства и все поступки Петра Великого, при дворе которого, как известно, Бахус почитался ничуть не меньше. Однако на деле Петр III напивался обычно лишь к вечеру, да и то не ежедневно. Поведение же его было в общем-то поведением раскрепощенного человека, руководимого лишь собственными прихотями и не желающего подчиняться никаким условностям. При этом, не любя, не понимая и презирая все русское, он ненавидел и все, что так или иначе ассоциировалось для него с режимом Елизаветы. В сущности, он действовал так же, как впоследствии его сын Павел, тоже стремившийся истребить все напоминания о предшествующем царствовании. (Кстати, этот вызывающий разрыв с традицией тоже был одной из причин падения и отца и сына.)

Таковы некоторые мотивы поведения и поступков Петра III — мотивы, как бы лежащие на поверхности. Но при этом понятно, что при дворе существовали и действовали различные силы, пытавшиеся по-своему влиять на императора. Это были, в первую очередь, русские сановники — канцлер граф М. И. Воронцов, его брат граф Р. И. Воронцов (отец любовницы Петра), генерал-прокурор А. И. Глебов и секретарь императора Д. В. Волков, а во-вторых, голштинская партия; представленная принцами Георгом Лудвигом и Петером Августом. К последней примыкали фактически и любимцы Петра, его адъютант А. В. Гудович, генералы А. Н. Вильбоа и А. П. Мельгунов. Однако у первой партии было перед второй неоспоримое преимущество: ее члены имели большой опыт управления государством еще задолго до воцарения Петра. Наиболее приближен к императору был Волков, человек умный, хитрый и бесспорно талантливый. При Елизавете он состоял секретарем Конференции при высочайшем дворе и был посвящен во все секреты придворной жизни. По ценному свидетельству Б. К. Миниха, Волков «водил рукой и был ушами государя» и то, что он «находил приемлемым, и составляло образ правления при императоре Петре III»²².

Понятно, что свое влияние на Петра и Волков, и тесно связанные с ним Воронцовы постарались использовать в первую очередь для реализации тех своих замыслов и проектов, которые возникли еще при Елизавете, но не могли быть исполнены из-за упорного нежелания императрицы в последние годы ее жизни заниматься государственными делами. И тут перед нами очень важное обстоятельство, объясняющее появление на свет реформ Петра III. Дело в том, что основы их были выработаны еще в предшествующее царствование. Начиная с 1754 года в России работала комиссия по разработке нового уложения, образованная по инициативе П. И. Шувалова. Созданный комиссией проект уложения не увидел свет, однако оказал серьезное влияние на последующее законотворчество. Так, например, в елизаветинском уложении имелись все те нормы, которые были реализованы Манифестом о вольности дворянства 18 февраля 1762 года и которые отражали сокровенные чаяния дворянства. Что же касается секуляризации, то и здесь Петр лишь довел до логического конца начатое при Елизавете.

Еще 30 сентября 1757 года на заседании Конференции при высочайшем дворе Елизавета сделала следующее распоряжение: во-первых, назначить в церковные имения офицеров-управителей, во-вторых, приравнять повинности монастырских крестьян к повинностям крестьян помещичьих, в-третьих, ввести штатное содержание монастырей, то есть установить для них определенное количество монахов и отпускаемых на их содержание средств, и, наконец, взыскивать с духовных вотчин деньги на содержание отставных офицеров и солдат и учредить на эти деньги инвалидные дома²³. Сенатский указ 19 февраля 1762 года основывался на этом распоряжении и как бы выносил по вопросу секуляризации окончательный вердикт.

Итак, важнейшие реформы Петра III были, по сути, лишь реализацией задуманного и разработанного до него. Но нет ли здесь противоречия с утверждением, что Петр стремился делать все наперекор действиям тетки? Думаю, нет, наоборот, свою решительность он как раз и противопоставлял нерешительности Елизаветы.

Из сказанного ясно, что в своем реформаторстве Петр был по меньшей мере несамостоятелен и фактически схватился за то, что оказалось под рукой, подsunутое ему людьми из ближайшего окружения. Впрочем, на это можно возразить, что Петр все это мог и отвергнуть. К тому же нет уверенности, что ему не подбрасывали и другие идеи. Но в том-то и дело, что горячность, нетерпеливость, желание все переиначить совместились у него с неприязнью ко всему русскому. И инстинктивно из того, что ему предлагали, Петр выбирал то, что по сути было нацелено на ликвидацию особенностей социального, экономического и политического развития России в сравнении с Западом. Реформы Петра были объективно направлены на ликвидацию определенных

анахронизмов в развитии страны, означали дальнейшее продвижение по пути вестернизации, хотя, при всей своей радикальности, оставляли неколебимым авторитарный режим государственной власти, окончательно закрепленный законодательством Петра Великого. Выбор Петром III этого пути был не столько сознательным, сколько эмоциональным, он исходил из отрицания того, что ему было не по душе, но знал ли он, к чему стремиться? Другой необходимый вопрос: складываются ли мероприятия, осуществленные Петром III, в некую политическую систему, основанную на определенных принципах и идеях, или это были бессистемные, не связанные друг с другом действия?

Прежде всего обращает на себя внимание поспешность, с которой были осуществлены важнейшие реформы. Собственно, на все ушло три дня: 18 февраля — указ о вольности дворянства, 19-го — о секуляризации церковных земель, 21-го — о ликвидации Тайной канцелярии. Правда, о намерении освободить дворянство от обязательной службы было объявлено еще 17 января, а об отмене Тайной канцелярии — 7 февраля. Однако общее впечатление от реформ Петра, как проводившихся в большой спешке, не исчезает, а ведь поспешность — признак непродуманности, а то и другое вместе никак не совместимо с по-настоящему серьезными реформами. К тому же в последующие несколько месяцев никаких указов, равных по значению этим, не появилось. Между тем говорить о трех важнейших реформах Петра как о некоей политической системе тоже нельзя, ибо они охватывали вполне самостоятельные сферы.

Нет и никаких достоверных свидетельств того, что у Петра была какая-то определенная программа политических преобразований, которую ему помешали бы исполнить. Все, что мы знаем, убеждает, что действия императора были хаотичны, несамостоятельны и руководствовался Петр главным образом эмоциями и чужими заготовками, а потому нет и никаких оснований ставить ему в заслугу проведение радикальной реформы.

Гораздо больше самостоятельности и целеустремленности проявил Петр в области внешней политики. Но и его внешнеполитическая деятельность, несмотря на кажущуюся стройность и целостность, также диктовалась прежде всего его собственными пристрастиями и амбициями и никак не отражала национальных интересов обширной страны, императором которой он был. Ему, с детства обожавшему игру в солдатики, смертельно хотелось понюхать настоящего пороха и продемонстрировать всему миру свой полководческий дар, в наличии которого он не сомневался. Ради этого он разорвал международные соглашения России, кинул русских солдат против вчерашних союзников и, вопреки собственным миротворческим призывам, готовился бросить в пекло никому не нужной бойни десятки тысяч людей, рискуя развязать в Европе новую продолжительную войну. К счастью, этим планам не суждено было сбыться: переворот 28 июня 1762 года «прервал карикатурное продолжение кровавой драмы Семилетней войны»²⁴.

Все сказанное ничуть не означает, что Петр был каким-то законченным злодеем, в котором все было отвратительно и отталкивающе. Ничуть. Так же, как впоследствии его сыном Павлом, Петром III, вероятно, нередко руководили самые добрые и даже благородные побуждения. Можно умиляться его любви к музыке, детской вере в собственные таланты, простодушному хвастовству, но все это не имеет никакого отношения к той роли, которую этому человеку суждено было играть. Личность Петра, безусловно, вызывает и сочувствие, особенно ввиду и сиротского детства, и искалеченной юности, и трагического конца. Главное же его несчастье было в том, что ни по характеру, ни по психическому складу, ни по умственным способностям он не подходил для труднейшей работы российского императора. Продолжение его царствования могло

обернуться для России трагедией, и в этом смысле его свержение было предопределено, а сам он обречен на гибель...

¹ Рюльер К.-К. История и анекдоты о революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 275.

² Записки Штелина... С. 103.

³ Рюльер К.-К. Указ. соч. С. 274.

⁴ Брикнер. С. 109; Записки. С. 552.

⁵ ПСЗ. 11445.

⁶ См.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 379.

⁷ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 203–204.

⁸ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 77–78, 75.

⁹ Фирсов Н. Н. Петр III и Екатерина II. Пг.; М., 1915. С. 14.

¹⁰ Записки. С. 639–640.

¹¹ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965, С. 44.

¹² Анисимов Е. В. Время петровских реформ. С. 294.

¹³ Записки Штелина... С. 103.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Щербальский П. К. Политическая система Петра III. М., 1870. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 165.

¹⁷ Leonard C. S. The Reputation of Peter III // Russian Review. Vol. 47. 1988. P. 263–292.

¹⁸ Мыльников А. С. Искушение чудом. Л., 1991. С. 44, 49, 51, 83, 59.

¹⁹ Дашкова Е. Р. Записки. Л., 1985. С. 39.

²⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 429.

²¹ Фирсов Н. Н. Указ. соч. С. 8.

²² Миних Б. Х. Очерк, дающий представления об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е—1760-е годы). Л., 1991. С. 76.

²³ См.: Комиссаренко А. И. Ликвидация земельной собственности феодального духовенства в России // Феодализм в России. М., 1987. С. 167.

²⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 132.